

УДК 930"652"

О НОВОЙ ПАРАДИГМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИОГРАФИИ

Э.В. Рунг

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных исследовательских подходов к изучению греко-персидских отношений. В прошлом ученые главным образом рассматривали греко-персидские отношения как постоянное состояние войны. В этом своем подходе они следовали греческой тенденции представлять персов как варваров и «национальных» врагов греков. В последние десятилетия новое поколение исследователей предпочитает рассматривать греко-персидские отношения не только как военный конфликт, но и как культурное и политическое взаимодействие. Автор полагает, что этот подход является более правильным с исторической перспективы. Но господство эллиоцентризма в представлениях некоторых современных исследователей препятствует достижению согласия ученых в этом вопросе.

Персидская держава Ахеменидов была могущественным восточным соседом многочисленных греческих полисов – как собственно Балканского полуострова, так и других частей Средиземноморского мира. Отношения с Персией на протяжении двухвекового периода оставались одним из важнейших и часто приоритетных направлений внешней политики для многих греческих полисов, в особенности претендовавших на ведущую роль в Элладе – Спарты, Афин, Фив, Аргоса. Отношения с персами в указанный период, разумеется, не могли пройти бесследно для греков. Они оказывали существенное влияние на общественно-политическую жизнь греческих полисов, массовое сознание и идеологию греков, вызывая известный резонанс.

Между тем греко-персидские отношения не были обойдены вниманием исследователей, причем как антиковедов-эллинистов¹, так и востоковедов². По этой

¹ См. обобщающие работы по греческой истории классического периода, напр.: *Grote G.* A History of Greece. – L., 1846–1856. – V. 1–12.; *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. – Stuttgart, 1958. – Bd. 3–5. 4 Aufl.; *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. – Berlin; Leipzig, 1922, 1927. – Bd. 2–3, 2 Aufl.; *Glott G.* Histoire Grecque. – T. 1–2. – P., 1925–1931; *Will E.* Le monde grec et l'Orient. – T. 1. – P., 1972; *Sealey R.* A History of the Greek City-States c.700–338 BC. – Berkeley, 1976; *Hornblower S.* The Greek World, 478–423 BC. – L., 1983; *Rhodes P.* A History of the Classical Greek World, 478–323 BC. – Oxford, 2006. Из отечественной литературы см.: *Смолицкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. – Н. Новгород, 1991.

² См. работы, посвященные политической истории Ахеменидской державы, напр.: *Olmstead A.T.* The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). – Chicago, 1948; *Cook J.M.* The Persian Empire. – L., 1983; *Vogelsang W.J.* The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. – Leiden; New York; Köln, 1992; *Briant P.* L'Histoire de l'Empire perse. De Cyrus a Alexandre. – P., 1996 (= *Briant P.* From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire / Tr. by P.T. Daniels. – Winona Lake (Indiana), 2002); *Wiesehofer J.* Ancient Persia from 550 B.C. to 650 A.D. / Trans. A. Azodi. – L., 1996; *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. – М., 1985.

теме написаны многочисленные научные труды – обобщающего характера и посвященные рассмотрению более частных вопросов. Однако хотелось бы обратить внимание на некоторую односторонность, присущую большинству исследований греко-персидских отношений в историографии. Во-первых, во многих обобщающих работах как по греческой, так и по персидской истории в основном представлено событийное изложение истории взаимоотношений греческого мира и Ахеменидской державы без попыток какого-либо значимого концептуального осмысления. Во-вторых, за редким исключением, в центре внимания историков находились военные конфликты греков и персов. Взаимная враждебность признается главным составляющим греко-персидских отношений на протяжении всего периода их существования, которые, как известно, начались с Греко-персидских войн и пережили кульминацию в ходе восточных походов Александра Македонского¹. Этот «традиционный» подход проявляется в ряде современных работ; в этой связи достаточно назвать работы С. Хорнблауэра и Дж. Коуквелла.

В начальных строках своей статьи, посвященной в целом взаимоотношениям греков и Персидской державы в VI – IV вв. до н. э. С. Хорнблауэр заявляет: «Моя история – это история войны (*polemos*) между Западом и Востоком, в особенности же между греками (эллинами) и персами...». Исследователь стремится непосредственно выявить истоки этой конфронтации, видя их подоплеку, вслед за античными авторами, и в сюжетах греческой мифологии².

Дж. Коуквелл предлагает рассматривать греко-персидские отношения на протяжении всего периода их развития с точки зрения непрерывной череды военных конфликтов. Исследователь, в частности, определяет весь двухвековой период греко-персидских политических отношений как «Греческие войны» (*Greek Wars*): это выражение, по мнению Дж. Коуквелла, подразумевает «не только враждебные действия в первой половине V столетия до н. э., но также и все контакты между Грецией и Персией, как дипломатические, так и военные, завершившиеся анабасисом Александра Великого»³.

Конечно, никто не будет отрицать, что именно войны между греками и Персией были одними из наиболее важных проявлений греко-персидских политических отношений – важными, однако далеко не единственными. В конечном итоге, войны были всего лишь только эпизодами, пусть и наиболее значительными, в двухвековой истории греко-персидских отношений.

Поэтому в последние десятилетия традиционный подход к рассмотрению греко-персидских отношений как военной конфронтации претерпел сущест-

¹ Об этом можно судить по внушительному, насчитывающему сотни трудов списку работ, посвященных как Греко-персидским войнам, так и восточному походу Александра Великого. О Греко-персидских войнах см., например, с дальнейшей библиографией: *Grundy G.B.* The Great Persian Wars. – L., 1901; *Burn A.B.* Persia and the Greece. The Defense of the West. – L., 1962; *Hignett C.* Xerxes' Invasion of Greece. – Oxford, 1963; *Lazenby J.F.* The Defense of Greece 490–479 BC. – Warminster, 1993; *Balcer J.M.* The Persian Conquest of the Greeks (545–450 BC.). – Konstanz, 1995; *Green P.* The Greco-Persian Wars: Year of Salamis, 480–479 BC. – Berkeley, 1996; *Куторга М.С.* Персидские войны. – СПб., 1858. О. Мюррей, в частности, считает главной темой греко-персидских отношений в классический период общий конфликт между греками и Персией, который, по мнению исследователя, представлял собой столкновение между восточным деспотизмом и греческой свободой (*Murray O.* The Ionian Revolt // *Cambridge Ancient History*. – 1988. – V. 4. – P. 475).

² *Hornblower S.* Greeks and Persians: West against East // *War, Peace and World Order in European History* / Ed. by A.V. Hartman, B. Heuser. – L., 2001. – P. 48ff.

³ *Cawkwell G.L.* Greek Wars. The Failure of Persia. – Oxford, 2005. – P. 2.

венные изменения, что было связано с обращением исследователей к истории дипломатических отношений в «межвоенный период» – от Греко-персидских войн до походов Александра Великого, а также с особым вниманием к изучению социокультурных контактов греческого мира и Персии.

Зарождение этой новой парадигмы в исследовании греко-персидских отношений следует закономерно относить к 70–80 гг. XX века. Она характеризуется стремлением исследователей отойти от устоявшихся стереотипов и предложить новые трактовки темы. Это направление исследований характеризуется, с одной стороны, восприятие отношений греков и Персии не как продолжительной военной конфронтации, но как взаимодействия, с другой – комплексный анализ античных и восточных источников.

Новаторскими в этом отношении явились работы известного британского антиковеда Д.М. Льюиса. В 1977 г. этот историк посвятил свою книгу рассмотрению греко-персидских политических отношений в непродолжительный период конца V – начала IV вв. до н. э. Подходы к разработке темы и полученные результаты позволяют считать монографию этого исследователя наиболее глубоким и основательным вкладом в разработку истории греко-персидских отношений¹, который позволил ученым отойти от их восприятия только как военного противостояния. Эта тенденция получила дальнейшее продолжение в работах ряда современных ученых, которые восприняли основные идеи Д.М. Льюиса и попытались обобщить собственные наблюдения. Так, например, П. Картлидж также считал доминирующими в греко-персидских отношениях конца V – середины IV вв. до н. э. именно дипломатические контакты. Исследователь в этой связи недвусмысленно заявляет: «Экспедиция Ксеркса... была в некотором роде аномалией (aberration)... Она больше не повторилась. Впоследствии дипломатия, чаще всего – “дипломатия денег”, основанная главным образом на передаче золота и серебра в руки греков, была нормой в большей степени, чем военная конфронтация»².

Интересными представляются попытки Д.М. Льюиса выйти также и за пределы традиционного «эллиноцентризма» в историографии – тенденции рассматривать отношения с Персией с «греческой точки зрения», обусловленной состоянием нашей источниковой базы. Дело в том, что еще известный американский востоковед А.Т. Олмстэд в одной из своих работ замечал: «Если Персия была, несомненно, определяющим фактором для Греции того времени, то греки на западной окраине представляли небольшой интерес для персидских великих царей»³. Д.М. Льюис еще в небольшой статье 1958 года сделал несколько важных замечаний, которые могут коренным образом изменить все еще доминирующие в науке представления о сущности греко-персидских отношений: «Было очень легко для греков, и особенно для греческих историков, предполагать, что персидский царь и его подчиненные не думали более ни о чем, кроме эгейских дел...»⁴. Эту же мысль автор воспроизводит и в своей вышедшей спустя

¹ Lewis D.M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen // Cincinnati Classical Studies. – Leiden, 1977. – No 1.

² Cartledge P. Agesilaus and the Crisis of Sparta. – L., 1987. – P. 185.

³ Olmstead A.T. Persia and the Greek Frontier Problem // CPh. – 1939. – V. 39, No 4. – P. 305.

⁴ Lewis D. M. The Phoenician Fleet in 411 BC. // Historia. – 1958. – Bd. 7, H. 3. – S. 397.

четверть века монографии¹. В значительной степени этот факт, по мнению ученого, объясняет характер взаимоотношений греков и персов в период Пелопоннесской войны: «Было осознанным и рациональным использовать восточные отряды в кампаниях (против противников царя в Малой Азии. – Э.Р.) и оставить борьбу против Афин спартанцам, используя греческие людские ресурсы, нанятые за персидские деньги»². Замечания Д.М. Льюиса фактически оказались столь интригующими для большинства исследователей, что уже упомянутый П. Картледж поместил одно из них в качестве эпиграфа к главе своей монографии³. Этот исследователь и здесь продолжает развивать положения Д.М. Льюиса, заявляя: «Вторая и наиболее очевидная опасность эллиоцентризма заключается в согласии с греческой точкой зрения, что персидский царь воспринимал греков так же серьезно, как они воспринимали его <...> К счастью, существует достаточно свидетельств, чтобы указать, что в некий момент греческий мир имел только периферическую важность для персидского государства»⁴. Этот подход полностью поддерживает и Дж. Коуквелл, который пишет: «...очень далеко от правды то, что царь постоянно думал о греках»⁵.

Между тем идея взаимодействия (следуя английской терминологии – *interaction, interplay*) греков и персов и отрицания непримиримого характера их конфронтации стала находить все большее принятие в тех работах, в которых рассматриваются не только греко-персидские политические, но и социокультурные контакты. Прежде всего, эта новая парадигма в исследовании греко-персидских отношений представляется наиболее адекватно отражающей историческую реальность. Достаточно вспомнить о десятках греков, которые находились при дворе Великого царя и сатрапов, тысячах эллинов, которые служили наемниками в Персидской державе, и, наконец, так называемом феномене мидизма – явлении сотрудничества греков с персами в V в. до н. э.⁶ И все эти факты не в полной мере укладываются в упрощенную схему «персы – исконные враги греков», кстати, впервые возникшую после Греко-персидских войн и более всего представленную в рамках доктрины панэллинизма в первой половине IV в. до н. э.⁷ Идея греко-персидского взаимодействия находит наиболее пол-

¹ Lewis D. M. *Sparta and Persia*. – P. 133.

² Ibid. – P. 133–134.

³ Cartledge P. *Agasilaus and the Crisis of Sparta*. – P. 182.

⁴ Ibid. – P. 185.

⁵ Cawkwell G.L. *The Greek Wars*. – P. 1.

⁶ Об этом см.: Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // Вестн. древней истории. – 2005. – № 3. – С. 14–35.

⁷ О панэллинизме в целом см.: Perlman S. *Panhellenism, Polis and Imperialism* // *Historia*. – 1976. – Bd. 25, H. 1. – S. 1–30; Green P. *The Metamorphosis of the Barbarian: Athenian Panhellenism in a Changing World* // *Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360-146 BC. in honor of E. Badian* / Ed. by R.W. Wallace, E.M. Harris. – Norman-L., 1996. – P. 5–36 (= Green P. *From Icaria to the Stars: Classical Mythification, Ancient and Modern*. – Univ. of Texas Press, 2004. – P. 104–132); Flower M.A. 1) *Alexander the Great and Panhellenism* // *Alexander the Great in Fact and Fiction* / Ed. by A.B. Bosworth, E. Baynham. – Oxford, 2000. – P. 96–135; 2) *From Simonides to Isocrates: The Fifth-Century Origins of Fourth-Century Panhellenism* // *Classical Antiquity*. – 2000. – V. 19, No 1. – P. 365–379; Фролов Э.Д. 1) Панэллинизм в политике IV в. до н. э. // *Античная Греция: Проблемы развития полиса*. Т. 2. – М., 1983. – С. 157–207; 2) *Исторические предпосылки эллинизма* // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. – М., 1990. – С. 14–58; 3) *Греция в эпоху поздней классики. Общество, личность, власть*. – СПб., 2001. – С. 469; Исаева В.И. 1) *Идеологическая подготовка эллинизма* // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. – М., 1990. – С. 59–85; 2) *Античная Греция в зеркале риторики*. Исократ. – М., 1994. – С. 72, 154 сл.

ное воплощение в работах, посвященных рассмотрению мидизма. И первыми исследованиями по явлению мидизма стали работы американского историка Д. Графа, прежде всего его диссертация¹.

Тема мидизма в дальнейшем была вновь поднята К. Таплиным, в работах которого также заметно определенное стремление к наиболее полному изучению проблем, находящихся на стыке антиковедения и ориенталистики, которое, естественно, требует обращения к источникам различного происхождения и направленности². К. Таплин, несомненно, принадлежит к числу таких исследователей (Д.М. Льюис, Дж.М. Балсер, Д. Граф и, наконец, П. Бриан), которые в своем научном творчестве периодически обращались к изучению проблем как греческой, так и древневосточной, в частности персидской, истории и культуры. Во многих публикациях К. Таплина уделяется особое внимание рефлексии Персии в греческой литературе. В своих работах о восприятии персов как мидян и причинах мидизма историк исследует греко-персидское культурное взаимодействие и привлекает значительный эмпирический материал³. По мнению автора, восприятие греками чужеземных (в частности варварских, персидских) обычаев, одежды, предметов быта было довольно обычным делом среди граждан греческих полисов (особенно их политической элиты – аристократии). В этом смысле взгляды К. Таплина оказались близки к положениям, которые были сформулированы в монографии канадской исследовательницы М. Миллер об афино-персидском социокультурном взаимодействии, с одним лишь отличием: К. Таплин не отрицал антагонистический характер политических отношений греков и персов⁴.

Между тем М. Миллер в своей работе стремится поставить под сомнение никем до сего дня особенно не опровергавшийся факт существования греко-персидского взаимного антагонизма. Автор работы замечает: «Общепринято в современных исследованиях считать, что афиняне ненавидели и презирали персов: действительно, к концу V столетия до н. э. слово «варвар» обычно обозначало жителя Персидской империи, и олицетворяло трусливость, слабость и изнеженность. Поддерживающие свидетельства могут быть найдены в риторике театра и народного собрания, а также в искусстве. Но эти заявления опровергаются свидетельствами археологии, эпиграфики, иконографии и литературы, которые обнаруживают некоторую степень афинского восприятия ахеменидской персидской культуры». Далее М. Миллер продолжает развивать ту же самую тему: «Противоречия между антиперсидской риторикой и проперсидской реальностью (Persising reality) были идеологическими. Даже когда исчезает угроза со стороны Ахеменидской державы и ускоряется процесс собственного самоопределения греков путем изображения *варваров* слабыми, эмоциональ-

¹ Graf D.F. 1) Medism: the Origin and Significance of the Term // JHS. – 1984. – V. 104. – P. 15–30; 2) Medism. Greek Collaboration with Achaemenid Persia. Diss. – Ann Arbor, 1979.

² Об этом подробнее см.: Рунг Э.В. Проблемы древней истории в творчестве К. Таплина // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – СПб., 2004. – Вып. 3. – С. 465–474.

³ Tuplin C.J. 1) Persians as Medes // Achaemenid History / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg, A.T. Kuhrt, M.C. Root. – Leiden, 1994. – V. 8. – P. 235–256. 2) Medism and its Causes // Transeuphratène. – 1997. – V. 13. – P. 155–185.

⁴ См., напр.: Tuplin C.J. Achaemenid Studies // Historia. Einzelschriften. – Stuttgart, 1996. – H. 99. – P. 132.

ными и неспособными к рациональному мышлению, афиняне присваивают и приспособливают аспекты ахеменидской культуры к их собственным социальным и имперским нуждам»¹.

С подобных же позиций греко-персидские взаимоотношения определяет К. Аллен, которая справедливо обращает внимание на существующий диссонанс между реальной политической практикой и идеологией греков. Как замечает исследовательница, «хотя антиварварская риторика наполняла политические и философские трактаты, а стереотипное восприятие негреков продолжало преобладать как в литературе, так и искусстве, эти идеологические представления о варваре, как понятно, были не полностью изоморфны обычной, повседневной жизни»². К. Аллен считает возможным говорить даже о некоем равновесии между антиварварской риторикой и проварварской политикой в греческих обществах IV столетия до н. э. как своеобразном равновесии между «теорией» и «практикой»³. К. Аллен верно обратила внимание на то обстоятельство, что даже несмотря на доминирование восприятия в эллинском общественном сознании персов как врагов в ряде полисов (но далеко не во всех), реальная политическая ситуация способствовала во многом преодолению этого стереотипа и установлению тесных дипломатических отношений между сторонами. Впрочем, следует добавить к этому, что существовали полисы, где не было «идеологического» препятствия к налаживанию контактов с Персией (так, фиванцы и аргосцы отличались персофильством).

Рассмотрение греко-персидских дипломатических отношений конца V – IV вв. до н. э. через призму межличностных связей характерно для монографии Л. Митчелл, в которой отмечается: «Дипломатическую активность между Грецией и Персией в течение почти столетия мы рассматриваем как определяемую взаимодействием личностей...»⁴. По мнению исследователя, греки оформляли эти отношения при помощи обычая гостеприимства – ксении, который они распространяли и на негреков⁵. Причиной для возникновения тесных личных взаимоотношений между отдельными греками и персами автор работы считает довольно очевидное обстоятельство: даже несмотря на тот факт, что греки продолжали считать персов варварами, греческий мир искал поддержки царя Персии в своих войнах друг против друга⁶. Таким образом, и в этой работе греко-персидские отношения рассматриваются с точки зрения взаимодействия, но не государств, а личностей.

В целом эта новая тенденция обозначилась на конференции в г. Ренне (Франция) в сентябре 2004 г., одна из секций которой называлась: «Греки и

---

¹ *Miller M.C.* Athens and Persians in the Fifth Century BC.: A Study in Cultural Receptivity. – Cambridge, 1997. – P. 1ff. М. Миллер как искусствовед по своему образованию идет еще дальше в развитии утверждения о значении греко-персидской культурной преемственности, чем, например, К. Таплин в своих работах.

² *Allen K. H.* Philobarbarism: A Study in Greek Interchanges with the Non-Greeks in the Fourth Century B. C.: PhD Diss. – Princeton, 2002. – P. 12.

³ *Ibid.* – P. 12ff.

⁴ *Mitchell L.G.* Greek Bearing Gifts. The Public Use of Private Relationship in the Greek World, 435–323 BC. – Cambridge, 1997. – P. 111; cf. 131.

⁵ *Ibid.* – P. 131.

⁶ *Ibid.* – P. 114.

Персия: реакции и рецепции»¹, а также на конференции в Афинах в ноябре 2006 г., специально посвящённой эллино-иранским контактам.

Таким образом, на мой взгляд, следует говорить о двух основных парадигмах исследования взаимоотношений греков и Ахеменидской Персии в историографии: с одной стороны, как продолжительной двухвековой конфронтации, с другой – как взаимодействия. Причем вполне очевидной является тенденция поиска нестандартных подходов к теме греко-персидских отношений, отхода от прежних устоявшихся стереотипов. Впрочем, следует со всей определенностью подчеркнуть, что эта тенденция присуща современной исторической науке в целом, и в этом случае изучение отношений греческого мира и Персии вполне соответствует этой отмеченной тенденции.

Также следует добавить, что при исследовании греко-персидских отношений необходимо по возможности избегать «крайностей» обеих парадигм: как абсолютизировать характер греко-персидского антагонизма, так и отрицать сам факт существования взаимной вражды (последняя, однако, была присуща далеко не всем греческим полисам, а только тем, которые выступили против персов в начале V в. до н. э., и прежде всего – Афинам и Спарте; но даже в позиции этих двух полисов к Персии наблюдаются некоторые различия, которые зависели от конкретной ситуации в Греции).

Summary

E. V. Rung. On the New Paradigm in the Study of Greek-Persian Relations in Historiography.

The article views the appearance of new scholarly paradigm in the study of Greek-Persian relations in historiography. In the past, the scholars mainly considered the Greek-Persian relations as a permanent state of war and enmity. In this approach, they followed the Greek tendency to represent the Persians as the barbarians and “national” enemies of the Greeks. In the last decades, the new generation of scholars prefers to consider the Greek-Persian relations not only as a continuous military conflict but also as a cultural and political interaction. This last paradigm can be supposed to be more correct from the historical perspective. But the dominance of hellenocentrism in the minds of some contemporary researchers prevents coming to common agreement in this question.

Поступила в редакцию
15.09.07

Рунг Эдуард Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета, докторант кафедры истории древнего мира Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: Eduard_Rung@mail.ru

---

¹ Готовится публикация материалов конференции: *Persian Responses. Political and Cultural Interaction with(in) the Achaemenid Empire* / Ed. by C.J. Tuplin. – Swansea, 2008.